

Wisdom and Virtue

Russ Roberts

How Adam Smith Can Change Your Life

An Unexpected Guide to Human Nature and Happiness

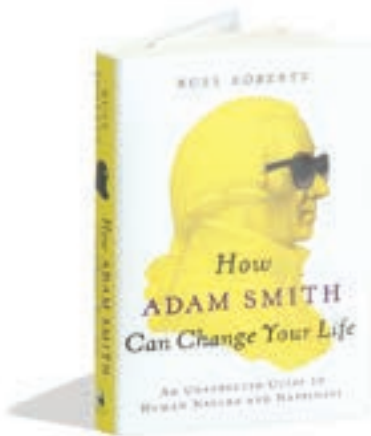
Portfolio/Penguin, New York, 2014, 272 pp., \$27.95 (cloth).

В наши дни этика, по-видимому, снова в моде в экономике. Это, несомненно, объясняется мировым финансовым кризисом, который выявил невероятные масштабы злоупотреблений и безнравственного поведения в финансовом секторе, имевших катастрофические последствия для мировой экономики и жизни людей. Однако это также отражает более глубокое недовольство утилитарным подходом и узкой технологической направленностью, которые преобладают во многих областях современной экономической науки. Не случайно все больше людей предлагают (а иногда и требуют) применять более широкий подход к изучению экономики, вмещающий в себя важнейшие элементы философии, психологии и истории.

В свете этих тенденций книга Адама Смита по нравственной философии поистине своевременна. Хотя Смит является основателем современной экономики, он был, прежде всего, исповедником нравственной философии. Однако его основная философская работа, «*Теория нравственных чувств*», остается практически неизвестной. В своей новой книге Расс Робертс стремится восполнить этот пробел — вывести на свет скрытую мудрость, содержащуюся в этой малоизвестной классической работе.

Робертс пишет с чувством изумления, подобно ребенку, в рождественское утро открывающему для себя новый и интересный мир. Он с заразительным энтузиазмом описывает свое погружение в книгу, от которой он просто не мог оторваться. Книга переполнена запоминающимися историями и красочными эпизодами. В целом это доступное и занимательное чтение и хорошее введение в нравственную философию Смита.

По словам Робертса, нравственные принципы Смита сводятся к простым жизненным правилам: «Стремитесь к мудрости и добродетели. Ведите себя так, как если бы за вами следил беспристрастный наблюдатель».

Первая часть книги в большей степени посвящена (выражаясь современным языком) «самосовершенствованию», а во второй в центре внимания находятся аспекты нашего взаимодействия друг с другом в обществе. Здесь Робертс отмечает важную идею Смита: хотя мы по природе склонны ставить собственное счастье выше счастья других, было бы неправильно жить таким образом, обижая или эксплуатируя других просто ради своих личных интересов. Почему? Потому что беспристрастный наблюдатель (конечный арбитр нравственности, согласно Смигу) это бы не одобрил.

Концепция беспристрастного наблюдателя как мотиватора нравственного поведения — чрезвычайно сильная идея. Например, экономист, лауреат нобелевской премии Амартья Сен подчеркивает преимущества этого простого и практического рассуждения перед более распространенным философским подходом, ставящим во главу угла системы совершенного правосудия и совершенных институтов. Однако Робертс так и не доводит этот образ мышления до логического завершения, поскольку он слишком склонен рассматривать «*Теорию нравственных чувств*» как книгу по самопомощи.

В последней главе Робертс все же трагирует следствия этической позиции Смита для функционирования современной экономики, но это самая слабая глава в его книге.

За прошедшие годы было потрачено море чернил в спорах о знаменитой «проблеме Адама Смита» — как совместить акцент на благодеяние в «*Теории нравственных чувств*» с упором на личный интерес в «*Богатстве наций*». Наиболее очевидный ответ состоит в том, что в последней книге основное внимание уделяется самым минимальным условиям для выгодного

рыночного обмена, а в первой — более глубоким основам наших общих социальных взаимодействий.

Как отмечает Сен, идеи Смита ограничивались исключительно обменом, игнорируя другие не менее важные аспекты, такие как производство и распределение. Причем даже в чистом обмене потенциал личных интересов не безграничен, и их необходимо дополнять взаимным доверием и общей верой в этические принципы всех участвующих. Иными словами, нравственные чувства всегда подспудно присутствуют.

Робертс идет другим путем. Он утверждает, что в этих двух книгах Смита речь идет о разных и непесекающихся сферах человеческого взаимодействия. Цитируя экономиста и философа Фридриха Хайека, он доказывает, что «мы должны жить в двух разных мирах одновременно, общаться с нашими близкими и затем переходить в коммерческую сферу и взаимодействовать с незнакомыми людьми». Таким образом, «*Теория нравственных чувств*» посвящена нашему «личному пространству», миру друзей, семьи и близких знакомых, а «*Богатство наций*» больше касается межличностного обмена в «мире незнакомых людей». Разные миры, разные нормы поведения.

Попытка чтения Смита через эти бифокальные очки Хайека совсем не убедительна. Заклучая Смита в рамки ограниченного философского мировоззрения Хайека, автор оказывает ему плохую услугу. Это слишком сужает его вклад.

В конечном счете, Смита занимают вопросы добродетели, особенно благотворительность, мужество, воздержание, справедливость и благоразумие. Более того, Дидри Макклоски утверждала, что Смит был последним теоретиком этики добродетели, следуя давней традиции, восходящей к Аристотелю. А когда мы исходим из принципов добродетели, мы естественным образом выступаем за процветание человека — во всех аспектах жизни. Раздвоенных или бесплотных добродетелей не существует!

Поскольку Робертс проводит столь тонкое разграничение между различными сферами жизни, он фактически не рассматривает выводы из нравственной философии Смита для сегодняшней экономики, то есть то, что действительно должно нас интересо-

вать. Об этом можно пожалеть, поскольку идеи Смита были бы особенно актуальны именно сейчас.

Например, что бы сказал беспристрастный наблюдатель о поведении участников финансового сектора в последние годы, когда крайнее безрассудство и погоня за краткосрочной

выгодой вытеснили любые представления о добродетели? Или, в более широком плане, что бы он сказал о бизнес-модели, ставящей краткосрочную прибыль выше долга перед заинтересованными сторонами, включая работников, клиентов, природную среду и общество в целом? Эти важные вопросы,

по существу, остаются без ответа в этой книге.

Энтони Аннетт,
советник по вопросам изменения
климата и устойчивого развития,
Институт Земли при Колумбийском
университете

Two Cents' Worth

Nigel Dodd

The Social Life of Money

Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 2014, 456 pp., \$35.00 (cloth).

Что такое деньги? Над этим вопросом Найджел Додд, профессор социологии в Лондонской школе экономики, предлагает нам подумать в книге «Социальная жизнь денег». В ходе этого анализа автор знакомит нас с тем, что думали о деньгах светила литературы, философии, социологии и многих других дисциплин. Эта книга — больше современное искусство, чем наука. Она выталкивает нас (особенно людей с экономическим образованием) за рамки привычного и приводит нас в замешательство, и в итоге заданный вопрос намеренно оставлен без ответа.

Автор ведет нас от идей об одном из аспектов денег, высказывавшихся людьми, которых обычно не относят к монетарным теоретикам, такими как Хорхе Луис Борхес, Жак Деррида, Мишель Фуко, Кит Харг, Фридрих Ницше, Жан-Жак Руссо и Фердинанд де Соссюр, к другим, несколько противоречивым, но не менее познавательным идеям. Вы пытаетесь разобраться во всем этом (это отнюдь не легкое чтение), а Додд утверждает, что все эти идеи приносят что-то полезное. Понятие денег слишком многогранно, чтобы его можно было передать одной идеей.

Додд не предлагает новой точки зрения; он стремится просветить нас относительно многих различных мнений. В этом смысле его вывод уже является святотатством: разбивается в прах миф о том, что деньги регулируются непоколебимыми законами, в которых хорошо разбираются трезвые практики. Вместо этого автор напоминает нам, что деньги в целом, а особенно выпускаемые государством бумажные деньги, являются социальной конструкцией. Мы не ставим под сомнение действительность 100 долларов, напечатанных на кусочке материала из хлопка и льна, изготовление которого обходится в 12,5 цента, потому что мы верим, что правительство США выполнит свои обязательства благодаря своей способности облагать налогами своих граждан, а также ресурсам страны и сопутствующей военной мощи. Даже если страны богатые ресурсами и изобретательными людьми, но в обществе нет доверия, стоимость денег резко падает, как в Венесуэле сегодня, в Аргентине и Бразилии в 1990 году и в Веймарской республике в 1923 году.

Утверждение, что деньги представляют собой требование к обществу, не оригинально, — напоминает нам Додд, ссылаясь на Георга Зиммеля и других авторов. Но он правильно делает, что вновь это повторяет. В традиционном представлении происхождение денег все еще связывается с каким-то не зафиксированным в исторических хрониках, первобытным способом более эффективного ведения бартера. Это приукрашивает периоды грабежей и кровопролития, которые слишком часто сопровождают становление общества. Своим возникновением деньги больше обязаны дани от побежденных и прибыли от труда рабов, чем более эффективной мирной торговле. Деньги не ассоциируются с чистыми руками.

Додд старается глубже проанализировать эту тему. Социальная конструкция не обязательно означает государство. Это могут быть постоянно меняющиеся, анархические социальные сети, посредством которых люди обмениваются сво-

им трудом, или даже децентрализованная платежная система Биткоин.

Вместе с тем, пытаясь двигаться вперед, автор в итоге сдает позиции. Иногда, например, кажется, что он считает деньги виновником мирового финансового кризиса и других недавних бед.

Понятие денег слишком многогранно, чтобы его можно было передать одной идеей.

Однако деньги как социальная конструкция являются более убедительной, предсказательной теорией. Структура общества и порядок организации власти в нем создавали стимулы, вызывавшие бумы и затем неизбежные спады. Эти стимулы были выражены в деньгах, но могли бы быть представлены любой «валютой» власти. Можно допустить, что деньги могут существовать не только в виде социальной конструкции, но это утверждение не подкреплено убедительными доводами. Биткоин потерпит неудачу потому, что он не опирается на полномочия государства по налогообложению и вступает в противоречие с международными правилами борьбы с отмыванием денег, а не потому, что это цифровая валюта, не обеспеченная резервами.

Главная идея, которую можно извлечь из этой книги, состоит в том, что форма следует за структурой. Если мы хотим «улучшить» деньги, то попытки отрегулировать их форму не дадут существенного результата, если не изменить стимулы, которые нередко встроены в структуру общества.

Авинаш Персауд,
приглашенный старший научный
сотрудник, Институт международной
экономики имени Питерсона